

КАК ГОТОВИЛАСЬ РАСПРАВА НАД ГЕНЕТИКОЙ

В марте 1938 г. комиссия Президиума АН СССР под председательством академика Б. А. Келлера проверяла работу Института генетики. В своих решениях она исходила из принятой тогда установки, что «генетика — это такой участок биологического фронта, на котором происходит очень острая классовая борьба» (Архив Академии наук СССР, ф. 2, оп. 6, д. 13, л. 114), в связи с чем рекомендовала Отделению математических и естественных наук провести широкую дискуссию о проблемах генетики с привлечением философов-марксистов.

Дискуссия, организованная журналом «Под знаменем марксизма», состоялась 7—14 октября 1939 г. Среди 53 ее участников были академики Н. И. Вавилов.

Н. Н. Гришко, М. М. Заводовский, Б. А. Келлер, А. Н. Колмогоров, Т. Д. Лысенко, член-корреспондент А. С. Серебровский, профессора Н. П. Дубинин, А. Р. Жебрак, Г. А. Левитский, Ю. М. Оленов, И. М. Поляков, Ю. И. Полянский, И. И. Презент, М. А. Розанова и др. Вел дискуссию директор ИМЭЛ академик М. Б. Митин (1901—1987). Суть происходящего в биологической науке, по мнению М. Б. Митина, состояла «в том, что в области генетики и селекции идет борьба представителей передовой, революционной, новаторской в лучшем смысле этого слова науки против консервативного направления, которое не желает считаться с достижениями практики, за которое цепляются и с которым вместе идут самые реакционные элементы в науке» («Под знаменем марксизма», 1939, № 10, с. 149). Хотя в заключительном слове звучали и довольно резкая критика оруженосцев Т. Д. Лысенко, И. И. Презента и Г. Н. Шлыкова (за «махаевское отношение» к науке и ученым), и призывы к взвешенности, действительное положение в биологии так и не было вскрыто. Т. Д. Лысенко, судя по его репликам, остался неудовлетворен, но фактически именно он получил поддержку — не такую решительную, как в 1948 г. на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ, но вполне определенную.

Н. И. Вавилов даже в этих обстоятельствах сохранял выдержку и, не отступая от своих убеждений, корректно, по-товарищески, разъяснял ситуацию. Об этом, в частности, говорят два публикуемых ниже документа, обнаруженных в Архиве АН СССР: письмо Николая Ивановича (Ф. 1992) М. Б. Митину (точная дата неизвестна) и выдержка из его выступления на заседании актива работников московских учреждений Академии наук СССР 19 ноября 1939 г. (Ф. 2. опись 1-1939 г., дело 209).

Следует отметить, что сугубо личное по содержанию письмо — там и надпись стояла «лично» — М. Б. Митин распорядился переслать вице-президенту О. Ю. Шмидту. Когда нравственность попирается в науке, то, само собой разумеется нет ее и в личном поведении.

Если в письме откровенно и с болью говорилось о засилии лысенковщины с ее необоснованными теоретическими и агротехническими построениями, безграмотным «новаторством», которое оказывает негативное влияние на практику, то в выступлении перед широкой аудиторией речь шла о сути спора.

Многие ученые, выступавшие на совещании в АН СССР, обращали внимание на серьезные недостатки в работе аппарата Президиума. С. И. Вавилов (брат Николая Ивановича) подчеркнул важность улучшения работы сессии Общего собрания академии. Этим же вопросам посвятил начало своего выступления и Н. И. Вавилов. Он отметил, что «грозда академии растет с каждым годом и имеет тенденцию расти дальше... И как бы активно не работал Президиум, а мы знаем, что в составе его имеются люди исключительного труда, исключительной преданности делу, начиная с президента В. Л. Комарова, но дело, очевидно, в том, чтобы правильно распределить силы и прежде всего вовлечь в работу весь коллектив, правильно поставить работу отделений» (АН СССР. ф. 2, оп. 1-1939 г., д. 209, лл. 45—46). «Нужно,— продолжал Н. И. Вавилов,— прежде всего сконцентрировать внимание на создании планомерной, коллегиальной работы наших отделений, на постановке крупных вопросов, на передачу именно в эту инстанцию работы по заслушиванию планов, при том не формально... То же по заслушиванию отчетов. От этого надо разгрузить всемерно Президиум, и тогда не будут повторяться те ошибки, которые неизбежны, ибо трудно охватить членам Президиума при всей их исключительной работоспособности все разделы работы» (Там же, л. 48).

Когда читаешь это, невольно возникает мысль: на что ушло 50 лет? Ведь и сейчас мы нередко слышим о том же самом.

Оба документа, связанные с деятельностью академика Н. И. Вавилова, публикуются впервые.

Письмо академику М. Б. Митину

Глубокоуважаемый Марк Борисович!

Подведенный Вами итог конференции по генетическим вопросам, крупного события в нашей жизни, оставил горький осадок у нас, работающих в области генетики или знающих ее по обязанности.

Разделение в этой области реакционной и передовой науки сделано, к сожалению, весьма неправильно, ибо то, что на нашем участке «Презенты» усиленно желают называть передовой наукой, фактически поворачивает ее назад на десятилетия, реакционным же есть стремление называть наиболее движимый раздел биологической науки, который в сумбур понятий о наследственности внес порядок, закономерности, материалистические представления и подводит к решению трудных вопросов создания новых наследственных форм. Ваша формула, боюсь (рад буду, если ошибусь), даст возможность продолжать махаевщину⁴, которая заволакивает наш участок.

В отличие от того, чему учили Маркс, Энгельс, Ленин, на чем всегда настаивал Тимирязев,— освоению всего мирового ценного опыта, внимательному изучению истории науки,— ныне вокруг Т. Д. Лысенко культивируется фактически игнорирование науки. Откройте журнал «Яровизация»² и Вы увидите самое решительное стремление к возврату к предкам, нередко к работам совершенно малозначимым, сомнительного достоинства, вроде работ Даниэля³. Вы не найдете в этом «передовом» журнале раздела, который бы объективно, надлежащим образом следил за движением вперед, за огромной работой, которая идет в нашей стране и за ее пределами, а если и найдете что-либо, то как правило, опочивание огулом всей генетической и селекционной науки.

У нас много талантливой, способной, движущейся молодежи, которая усиленно работает над собой, которая хочет догнать и перегнать и уже перегоняет,— Вы слышали выступления Дубинина, Карпеченко, Полянского, Кирпичникова,— (из них ряд не получил слова: Рапопорт, Лобашов, Сахаров, Бахтеев⁴ и другие) их много. Сопричислить их к реакционерам по меньшей мере неправильно. Им надо дать ход, их надо поощрить.

Я несколько не сомневаюсь в том, что если Вы будете иметь хоть немного времени, чтобы посмотреть, что Корренс⁵ (крупный германский генетик-классик, не имеющий никакого отношения к евгенике, исключительно осторожный вдумчивый исследователь) писал о гороскопе в образной форме, то Вы присоединитесь к нему, ибо таково положение вещей, что на основе современных генетических исследований по отдельным признакам можно предугадывать, каково будет потомство, включительно до наследственных болезней у человека. Это бесспорный факт, отрицать который Вы, как философ, не можете.

Не случайно величайший биолог наших дней И. П. Павлов, больше, чем кто-либо, сделавший в познании факторов воздействия на организм, при том большой почитатель Тимирязева, тем не менее настолько ценил современную генетическую теорию, включая менделизм, что создал особый отдел генетики человека в своем институте в Колтушах и поставил около здания института памятник Менделю⁶.

Новаторство бывает разное. В науках хорошо сложившихся оно легко распознается. В нашей биологической и особенно агрономической среде мало преемственности и поэтому обычны возвраты к предкам.

Опыты по вегетативной гибридизации пока еще существенного ничего не доказывают. Они ставились многократно в прошлом. При всем их физиологическом интересе, пока у нас нет бесспорных данных о передаче изменений, вызываемых подвоем в привое, по наследству при половом размножении.

Единый фронт генетиков на данной конференции есть явление, логически вызванное необходимостью защиты элементарных истин, в чем, как Вы убедились, к сожалению, есть нужда. Дискуссия об основах менделизма в генетике действительно давно кончена и возврат к ним исследователей не интересует. В то же время, если Вы имели возможность ознакомиться с огромной современной литературой в области генетики, Вы могли бы легко убедиться в наличии и в генетике, как в живой науке, противоречий в развитии, горячих споров. Они идут и в теории селекции, и мы в курсе их и не затронули их, ибо злоба дня не в этой плоскости.

На конференции мы по тактическим соображениям недостаточно остановились на организационных аномалиях. Фактическое преимущественное положение одной стороны используется ныне, сознательно и даже бессознательно, для администрирования, использования положения. Не случайно на конференцию не явились селекционеры-практики, на основе современной генетической теории выведшие сорта, занимающие десятки миллионов гектаров в нашей стране. Люди, наиболее давшие стране практически, в смысле сортов, как академики Рудницкий, Лисицын, Константинов, профессор Юрьев, селекционер Шехурдин, Плачек⁷ и другие, оказываются тоже в лагере реакционеров.

Однобокое администрирование на нашем участке принимает характер, могущий нанести ущерб стране. Наркоматы проводят в жизнь положения, не проверенные достаточно в смысле их применимости. Так дело обстоит с яровизацией, с внутрисортным скрещиванием, с так называемым воспитанием элиты. Даже такой вопрос, как поздняя посадка картофеля, требует еще серьезной доработки и нередко, как я мог убедиться в этом году на Северном Кавказе, может приводить и к отрицательным результатам. Замазывание отрицательных результатов в практике по данным вопросам, некритическое отношение становится господствующим на нашем участке.

Занайство по крайней мере двустороннее. Дискредитация генетики и основанной на ней теории селекции, включительно до наименования ее в печати лженаукой, стала трафаретной в нашей стране. Положение Т. Д. Лысенко с окружением, о котором Вы говорили, приводит к грустным явлениям. Дирижерами науки становятся, в широком смысле, Презенты и Шлыковы⁸. С заднего хода они проникают в Наркомпрос и в другие соответствующие организации, пытаются дискредитировать противоположную точку зрения, не останавливаясь даже перед программой средней школы.

Постановлением президента ВАСХНИЛ из ученого совета Всесоюзного института растениеводства изъято большинство инакомыслящих с президентом, в том числе 13 докторов, крупнейших работников в стране

по своей специальности. Это не случайный, а типовой факт, который может кончиться развалом учреждения. По мнению президента, таким работникам, как профессор Карпеченко, не место в ученом совете.

Конечно, я не надеюсь Вас переубедить и пишу Вам только по-товарищески, как члену Академии наук, как философу, представителю самой передовой, самой правдивой философии.

В исторической перспективе, я в этом нисколько не сомневаюсь, генетическая теория восторжествует, даст огромные практические результаты. Работая 30 лет в области растениеводства, изучая внимательно поступальный ход науки и практики, я нисколько не сомневаюсь и в том, что и в настоящее время генетическая теория дает неизмеримо больше, чем противоположная ей точка зрения.

Пишу Вам под глубоким впечатлением Вашего выступления, считая поднятый вопрос исключительно актуальным и принципиальным.

С уважением к Вам

Академик Н. И. Вавилов

Из выступления Н. И. Вавилова
на собрании сотрудников
московских учреждений АН СССР
19 ноября 1939 г.

Прежде всего о самой генетике. Надо определенно сказать, что внимание, которое сосредоточилось на этом участке в настоящее время, конечно, принесет свою пользу, но оно несомненно гипертрофировано, и прежде всего потому, что этот участок неразрывно связан с производством, с практической селекцией животных и растений. Ведь 60 млн. га в нашей стране засеяно сортами, выведенными на основе генетической теории... Это бесспорный факт, и он показывает нашу определенную связь с производством. Обратитесь к зарубежному колоссальному опыту, свидетельствующему о том, какую огромную роль играет генетика в улучшении пород животных, в улучшении сортов культурных растений.

Институт генетики вырос из небольшой лаборатории. К настоящему времени у нас сложился большой коллектив, состоящий преимущественно из молодых работников. С помощью Президиума мы привлекали крупнейших ученых даже из-за рубежа, таких, как академик Меллер, доктор Костов⁹... У нас также работает биохимик, академик Шмук, изучающий смежную с генетикой область: наследственность химического состава. Мы привлекли такого опытного специалиста, как академик Сапегин¹⁰.

По поручению Академии наук институт провел большую работу по изучению сельскохозяйственных ресурсов Северного Кавказа, Осетии, Кабардино-Балкарии, которая была отмечена постановлениями совнаркомов республик Северного Кавказа.

С работой наших ученых нельзя не считаться, поскольку они решают актуальнейшие проблемы практической селекции и теории селекции животных и растений. Наши материальные возможности выглядят скромнее по сравнению с теми, что обычно имеет селекционер, животновод или растениевод, но все же они позволили нам значительно перестроить работу в соответствии с указаниями Президиума. Во всяком случае продуктивность нашей работы очевидна.

Я вовсе не хочу сделать вывод о том, что в нашей науке все обстоит идеально. Ничего подобного. Я хочу только сказать следующее: к сожалению, та дискуссия, которую мы провели и которая сыграла большую роль, пришла к заключению, что всем нам нужно прекратить споры по вопросам, которые достаточно ясны даже для философов, не работающих в области биологии, поднять вопрос на большую высоту, кончить споры об элементарном менделизме, кончить элементарные споры о хромосомах, ибо это уже области, которые действительно настолько разработаны экспериментально, что нужно идти дальше.

К сожалению, мы затратили очень много времени на элементарные споры. Представьте достигших больших высот современных химиков, которых вдруг приглашают заняться обсуждением вопросов начала XIX в.

А. М. Деборин (председательствующий): Ваше время истекло.

Голоса из зала: Просим, просим...

А. М. Деборин: Просим больше самокритики, Николай Иванович.

Н. И. Вавилов: Я со всей откровенностью говорю то, в чем глубоко убежден, что для меня есть несомненный факт, ибо заниматься проверкой Менделя, которого проверяли тысячи исследователей и в нашей стране и за пределами нашей страны, проверять это самое соотношение «три к одному» скучно. А мы в значительной мере принуждены были этим заниматься. Эта, хотя и закрытая дискуссия, сделала большое дело в том смысле, что позволила спокойно, объективно во всем разобраться и нацелила нас поднять генетику на большую высоту, сконцентрировать внимание на актуальнейших вопросах — теоретических и практических, — и мы включаем в наш план ответственнейшую работу: критический анализ взаимоотношений генетики и эволюционного учения.

Почему не получился в данном случае единый фронт? Почему возникло две различных группы исследователей: одна возглавляемая академиком Лысенко и другая — группа генетиков, которых кое-кто называет классиками-генетиками, а кое-кто называет их ругательно формальными генетиками? Потому что пришлось сконцентрировать внимание на элементарных вопросах, которые действительно для всех нас совершенно ясны, и поэтому генетики, вместо того, чтобы обсуждать вопросы чрезвычайно сложные, трудные, современные, вернулись назад и стали обсуждать уже решенные наукой проблемы. Дела в генетике, как и в современной биологии в целом, обстоят неважно. Проблема гена — труднейшая, это своего рода проблема атомного ядра. Здесь чувствуется постоянное движение, почти каждый месяц выходят новые работы... Это высшая математика, а не арифметика, и вы поймете всю сложность ситуации, тем более, что данный раздел биологической науки сравнительно молодой, ему всего лишь 40 лет. Критика с позиций диалектического материализма нужна, сконцентрировать внимание на самокритике, по-

пытаться при всей трудности этого дела подойти диалектически к этим областям, еще трудно доступным — одна из очередных задач.

А. Я. Вышинский: Как эта задача решается генетиками?

Н. И. Вавилов: Прежде всего точными экспериментами.

А. Я. Вышинский: Нет, насчет овладения методом диалектического материализма?

Н. И. Вавилов: Думаю, что пока неудовлетворительно, это нужно признать, к сожалению, также, как и по многим разделам биологической науки.

А. Я. Вышинский: Верно.

Н. И. Вавилов: К сожалению, как вы знаете сами, теоретических трудов в этой области чрезвычайно мало. Ведь мы можем указать просто единичные работы за границей. Можно назвать работу Пренана, который пытается подойти к этому вопросу, работу Холдена¹¹, который недавно выпустил интересную книгу «Марксизм и наука».

А. Я. Вышинский: Ненаучную.

В. И. Вавилов: Сам он — работник крупный.

А. Я. Вышинский: Работник крупный, да работа не крупная.

Н. И. Вавилов: Я не пытаюсь ее защитить, я указываю на нее только как на одну из попыток. И в нашей советской литературе...

А. Я. Вышинский: У нас нет ничего, генетики должны были бы взять на себя разработку и дать диалектическую книгу.

Н. И. Вавилов: Вот этот раздел сугубо актуален и на нем надо прежде всего фиксировать внимание.

А. Я. Вышинский: Верно.

Н. И. Вавилов: Больше того, если в теории селекции для нас очень многое ясно, в особенности по разделу селекции растений, включая основные понятия — генотипы, фенотипы, методы селекции, — то в вопросах комплекса свойств — физиологических, унаследования иммунитета, — где нужна совместная работа биохимиков, физиологов, генетиков, много трудностей. Сосредоточить на них внимание — одна из очередных задач.

Нужно по-новому подойти к дарвинизму, не только изучать самого Дарвина по оригиналам, что само собой разумеется, а попытаться связать всю громаду фактов, всю громаду экспериментов, подходящих более или менее вплотную к вопросам эволюции, и сконцентрировать работу наших биологов на творческом развитии дарвинизма, на внедрении в этот раздел методов диалектического материализма. Здесь дело обстоит, нужно сказать определенно, неблагоприятно.

Закончив элементарные споры, мы в 1940 г., да и теперь, не теряя ни одного дня, должны поднять нашу дисциплину на должную высоту...¹²

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Махаевщина — течение в российском революционном движении, возникшее в конце XIX в. Названо по имени лидера В. К. Махайского, считавшего интеллигенцию враждебным пролетариату паразитическим классом.

² «Яровизация» — журнал, издававшийся в 1935—1945 гг. Пропагандировал идеи академика Т. Д. Лысенко и его последователей.

³ Даниэль Люсьен (1856-1940) — профессор лицея г. Ренн (Франция).

⁴ Дубинин Николай Петрович (р. 1907) — генетик, в 1939 г. зав. отделом генетики Института экспериментальной биологии, с 1966 г. — академик. Основные исследования посвящены проблемам общей и эволюционной генетики.

Карпеченко Георгий Дмитриевич (1899—1941) — цитогенетик, профессор, зав. кафедрой генетики Ленинградского университета. Основные исследования посвящены проблемам межродовой гибридизации. Был репрессирован.

Полянский Юрий Иванович (р. 1904) — зоолог, профессор, зав. кафедрой Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, член-корреспондент АН СССР с 1979 г. Крупный специалист по зоологии беспозвоночных, автор ряда трудов по генетике простейших.

Кирпичников Валентин Сергеевич (?) — кандидат биологических наук, в 1939 г. сотрудник Института экспериментальной биологии, исследовал вопросы генетики и селекции рыб.

Рапопорт Иосиф Абрамович (р. 1912) — генетик, в 1939 г. сотрудник Института экспериментальной биологии, с 1979 г. член-корреспондент АН СССР, автор первых исследований по химическому мутагенезу.

Лобашов Михаил Ефимович (1907—1971) — генетик, в 1939 г. преподаватель Ленинградского университета. Исследовал проблемы экспериментального мутагенеза.

Сахаров Владимир Владимирович (1902—1969) — генетик, в 1939 г. сотрудник Института экспериментальной биологии, позднее Института цитологии, гистологии и эмбриологии. Разработал основы химического мутагенеза.

Бахтеев Фатит Хафизович (1905—1982) — генетик, селекционер, последователь академика Н. И. Вавилова, автор книги о нем.

⁵ Корренс Карл Эрих (1864—1933) — немецкий ботаник. Подтвердил одновременно с другими учеными законы Менделя, предвосхитил понимание закономерностей сцепления и обмена наследственных факторов в хромосомах, наследование пола у растений.

⁶ Мендель Грегор Иоганн (1822—1884) — австрийский естествоиспытатель, основоположник учения о наследственности.

⁷ Рудницкий Николай Васильевич (1877—1953) — селекционер растений, с 1935 г. академик ВАСХНИЛ, работал на Кировской областной селекционной станции, создатель ряда сортов озимой ржи, озимой пшеницы и т. д.

Лисицын Петр Иванович (1877—1948) — селекционер растений, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., в 1939 г. зав. кафедрой Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, один из организаторов селекционного дела и семеноводства в СССР.

Константинов Петр Никифорович (1877—1959) — селекционер, растениевод, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., способствовал широкому использованию методов вариационной статистики в селекции. При его участии выведены 23 сорта зерновых культур.

Юрьев Василий Яковлевич (1879—1962) — растениевод, селекционер, с 1945 г. академик АН СССР, почетный член ВАСХНИЛ, вывел много сортов зерновых культур.

Шехурдин Алексей Павлович (1886—1951) — селекционер растений, работал на Саратовской сельскохозяйственной опытной станции. Первым в СССР применил межвидовую, межродовую и сложную ступенчатую гибридизацию в селекции зерновых культур. На территории СССР его сортами мягкой и твердой пшениц занято более 50% посевных площадей.

Плачек Евгения Михайловна (1878—1955) — селекционер, сотрудник Саратовской опытной станции и Саратовского сельскохозяйственного института в 1920—1937 гг.

⁸ Презент Исаак Израэлевич (1902—1969) — с 1931 г. профессор Ленинградского университета, а с 1948 г. одновременно и Московского университета. С 1948 г. — академик ВАСХНИЛ, идеолог лысенковщины.

Шлыков Григорий Николаевич (р. 1903) — аспирант, затем научный сотрудник, зав. отделом новых культур, интродукции, информации ВИРА, позже зам. директора ВИРА.

⁹ Меллер Герман (1890—1967) — американский генетик, лауреат Нобелевской премии, в 1933—1937 гг. работал в Институте генетики АН СССР. Костов Дончо (1897—1949) — болгарский генетик, в 1932—1939 гг. работал в Институте генетики АН СССР, с 1946 г. академик Болгарской АН.

¹⁰ Сапегин Андрей Афанасьевич (1883—1946) — ботаник, цитолог, возглавлял Одесскую сельскохозяйственную опытную станцию, с 1939 г. вице-президент АН УССР.

¹¹ Холден (Холдейн) Джон Бёрдон Сандерсон (1892—1964) — биолог, до 1948 г. был иностранным членом АН СССР, в 1948 г. отказался от этого звания; труды по генетике, биохимии, применению математических методов в биологии.

¹² Сотрудники Института генетики начали эту работу под руководством Н. И. Вавилова. Предполагалось осуществить издание коллективного труда «Критический пересмотр основ генетики», план обсуждался на заседаниях Президиума АН СССР 22 марта и 15 июня 1940 г. и был признан неудовлетворительным. После ареста Н. И. Вавилова работа была прервана.

*Вступительное слово,
публикация и примечания
Н. В. БОЙКО*

РЕТРОСПЕКТИВА: ПО СТРАНИЦАМ «ВЕСТНИКА АКАДЕМИИ НАУК СССР» 1937 ГОДА

Из статьи профессора А. А. Зворыкина «Ликвидировать до конца последствие троцкистско-бухаринского вредительства на фронте истории науки и техники», где речь шла, в частности, о «засевших врагах» в Ленинградском институте науки и техники: «В огромном списке тем, аннулированных после ликвидации Ленинградского института истории науки и техники, фигурировали такие темы, как «Роль служебных собак на разных этапах общественного развития». Такого рода исследования... по своему уровню и по своему направлению никакого научного значения не имели... Или — пространное исследование А. Аджана об инкубаторах. Мы не говорим уже о том, что сей историк инкубаторов незнаком с существом вопроса, раз он утверждает, что современные инкубаторы в состоянии выводить не более 1500 цыплят, в то время как египетские инкубаторы выводили 4000, 5000 и даже 8000. К сведению историка инкубатора А. Аджана можно сообщить, что в СССР имеются инкубаторы на десятки тысяч яйцест. Но какое дело автору до достижений современной техники? В работе, столь «актуальной» для выявления путей развития науки и техники, внимание автора сосредоточено на том, что «беременные женщины Рима выводили цыплят, нося постоянно на груди яйцо, и затем по вылупившемуся и заботливо выращенному цыпленку гадали о поле ожидаемого ребенка» (т. VI, стр. 288). А. Аджан озабочен вопросом о том, как императрица Ливия, забеременевшая Тиберием, носила на груди яйца, и даже сообщает, что она не была обманута предсказанием.

Если раньше все эти факты, выбор тем и направление исследовательских работ можно было рассматривать как простую случайность, то теперь, на фоне контрреволюционной троцкистско-бухаринской деятельности, становится ясным подлинный смысл этого направления» (№ 4-5, с. 22-23).